

ИРА БРИЛЁВА

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
"ИДИОТА"**

Ира Брилёва

Приключения «Идиота»

«Автор»

2014

Брилёва И.

Приключения «Идиота» / И. Брилёва — «Автор», 2014

«Если роман Достоевского «Идиот» читать, пропуская все, что нормальные люди считают гениальным, то получится вполне приличный детектив. Вроде Агаты Кристи. А как я еще могу читать Достоевского, валяясь на пляже? Конечно, дотошный собеседник поинтересуется, а что Достоевский вообще делает на пляже? В Турции? Ну там Донцова или, на худой конец, Дюма... Во-первых, Достоевского кто-то забыл на пляжном лежаке. А во-вторых, этот кто-то до меня изобрел новый способ чтения гениальных психологических текстов – куски со знаменитыми рассуждениями русского классика о смысле жизни и сути бытия просто выдрали из книжки, оставив голый сюжет. Я справилась с укороченным Достоевским минут за сорок и снова принялась скучать...»

© Брилёва И., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	24
Глава 8	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ира Брилёва

Приключения «Идиота»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Если роман Достоевского «Идиот» читать, пропуская все, что нормальные люди считают гениальным, то получится вполне приличный детектив. Вроде Агаты Кристи. А как я еще могу читать Достоевского, валяясь на пляже?

Конечно, дотошный собеседник поинтересуется, а что Достоевский вообще делает на пляже? В Турции? Ну там Донцова или, на худой конец, Дюма...

Во-первых, Достоевского кто-то забыл на пляжном лежаке. А во-вторых, этот кто-то до меня изобрел новый способ чтения гениальных психологических текстов – куски со знаменитыми рассуждениями русского классика о смысле жизни и сути бытия просто выдрали из книжки, оставив голый сюжет.

Я справилась с укороченным Достоевским минут за сорок и снова принялась скучать.

Пляж раскалялся с каждой минутой, и в самый апогей этой одурающей жары на минарете взвыл муэдзин, призывая правоверных к молитве и заставив меня подпрыгнуть от неожиданности. По местным слухам теперь вместо муэдзинов на минареты ставят магнитофон. Если это правда, то я понимаю муэдзинов, – работать в такую жару на минарете – это же почти рядом с солнцем. Интересно, а профсоюз у них есть?

Я еще раз лениво перелистала Достоевского. Надо же, прежний владелец даже пометки какие-то на полях делал. Во, дает! Видимо, все гениальные психологизмы показались ему скучными, а вот сюжет его сильно заинтересовал – читал с карандашом. Чего только не бывает на свете!

По пляжу плыл аромат вареного кофе, и мой молодой организм требовательно заявил о своих мирских желаниях. Одевшись, я положила в сумку мокрое полотенце и, покрутив в руках несчастного кастрированного Достоевского, засунула его туда же. Ну, не оставлять же моего гениального соотечественника на турецком пляже! Спроси тогда кто-нибудь, что двигало мной в ту минуту, я бы не нашлась, что ответить. Может, жалость к книжке – это из аккуратного пионерского детства. А может, чувство патриотизма. Не знаю. Но именно в тот момент судьба простерла над моей головой свой загадочный перст – так, кажется, пишут в серьезных романах. А если говорить простым человеческим языком, именно тогда и началась эта удивительная история, полная, как говорит нам классика жанра, «таинственных совпадений и загадочных приключений». И это со мной-то, с совершенно обычным, малозагадочным и абсолютно не таинственным человеком. Хотя, может быть я и лукавлю, – ну кто из нас не считает себя самым-пресамым, а?

У меня звучное русское имя – Татьяна. Я – простая секретарша в среднестатистической конторе, пышно именуемой «офисом». Вернее, я была секретаршей еще неделю назад.

К слову сказать, теперь нет пыльных контор, как раньше. Теперь везде офисы. Заходишь в зачуханную комнатенку в съемной квартире: «Здрассьте, здесь офис «Супермеганефтегаззолотопром?» И небритый охранник в возрасте Ноя, жующий бутерброд с ливерной колбасой, говорит с набитым ртом: «Проходите. Президент – пятая дверь налево за углом. Там увидите – на двери фломастером написано»... Но я, кажется, отвлеклась.

Неделю назад я мирно трудилась в своем офисе и даже не подозревала о том, что моя жизнь сделает крутой поворот. Мой шеф, Владимир Петрович, – он же мой добрый друг во всех смыслах, неожиданно сделал мне предложение. Нет, не то, от которого нельзя отказаться. Обычное предложение. Руки и сердца. И все бы было замечательно в моей жизни, если бы, как и положено примерной невесте, я бы томно сказала «да», – и марш Мендельсона, и белая фата, и прочая, и прочая, и прочая. Но вся загвоздка в том, что не хотелось мне соглашаться.

Вы не подумайте плохо о моем шефе. Он – чудесный человек, щедрый и весьма обходительный. А главное – что редко бывает с шефами – он абсолютно не женат и действительно

меня любит. Но, как раз вот это-то обстоятельство больше всего меня и огорчало. Дело в том, что я питала к нему искреннюю симпатию. И все. А для семьи, как минимум, нужна любовь. Это я знала точно.

Мы не были близки (что тоже весьма нехарактерно для шефов!), но он оказывал мне всяческие знаки внимания, я уже не говорю о щедрой зарплате и премиальных.

Поразмыслив немного над предложением шефа, я пришла к выводу, что мне придется покинуть и мой уютный офис, и моего любящего шефа. Так для всех будет лучше. По крайней мере, честнее, а он этого заслуживал. Хотя, мне его было искренне жаль: муки неразделенной любви – вещь довольно болезненная. И, чтобы в такой ситуации сохранить хорошие отношения с человеком, лучше сразу уйти. По крайней мере, есть теоретическая возможность сохранить о себе добрые воспоминания, и, в итоге, дружеское расположение сторон.

Я представляю, как сейчас скривили губки миллионы профессиональных секретарш: «Фи, дурочка! Да мы ведь только и устраиваемся на эту работу, чтобы, в конце концов, услышать от шефа: «Будьте моей женой», а она еще и перебирает – люблю, не люблю».

Да, милые дамочки, вот такая я малосовременная в вопросах семьи и брака. В свои неполные тридцать я еще вполне могу рассчитывать на принца на белом коне, которого полюблю с первого взгляда, и который увезет меня черт знает куда, в однокомнатную квартиру на окраине города. И будем мы там счастливы, несмотря на бытовую разруху и маленькую зарплату, и умрем в один день. От голода.

Вы уж извините, милочки, я, кажется, снова увлеклась. Да все я прекрасно понимаю, не дура же я набитая, – и про обеспеченную жизнь, и про блага разные заморские. Но... Как говорится, сердцу не прикажешь.

Высказав шефу все мои соображения в максимально мягкой форме, я попросила не поминать меня лихом, и уже совсем было собралась уйти.

Но мой шеф – просто гений! – подумав минуту, сказал мне примерно следующее: «Знаешь, я, в общем, почти и не рассчитывал на твое согласие, но хочу, чтоб ты знала. Если тебе когда-нибудь будет плохо или ты просто передумаешь – приходи. Я буду ждать».

Я остолбенела от такого великодушия и даже на минутку задумалась – а может, и правда у меня что-то с головой – человек-то золото. Но, вспомнив свои аргументы, я решила, что все правильно, и сердцу действительно не прикажешь. Зачем человека мучить, да и самой несладко придется – это ж каждый день в одной постели спать, а не в офисе с 9 до 18 мило улыбаться и кофе варить. Разная жизнь.

В общем, я ушла. В день ухода на моем столе лежал пухлый конверт, путевка в Турцию и коротенькая записка: «Стамбул – красивый город. Там есть на что посмотреть. А еще там замечательные ювелирные базары – купи себе что-нибудь на память». А шеф уехал в командировку.

Глава 2

Стамбул действительно оказался замечательным городом. Не совсем пляжно-курортным, хотя, если есть море, значит, где-то есть и пляж. Но для туристов тут был настоящий рай. Чего стоили одни только старые мечети. Они были непререкаемо величественными, от них исходил запах столетий. Не в прямом, конечно, смысле. Хотя, что касается запахов, то с этим в Стамбуле тоже было все в порядке. Запахи были разными. На берегу Босфора у маленьких ресторанчиков пахло паленым рыбьим жиром. Это жарили недавно выловленных рыб с неизвестными мне названиями. Этот запах мне не нравился.

Но были и запахи, которые вызывали очень приятные ощущения. Например, на старинном турецком базаре, где в мешках, мешочках и флакончиках продается нескончаемое количество разных приправ, благовоний, порошков и порошочков, и еще целая куча совершенно неизвестных мне совместных изобретений природы и человека. Это все было действительно необычным, напоминало сказки Шахерезады и еще что-то очень восточное, хорошо знакомое по детским книжкам. Но самыми замечательными на этом базаре, как и следовало из записки Владимира Петровича, были «золотые» ряды. Я никогда не видела столько золота в одном месте. Как завороченная, ходила я от одного прилавка к другому, разглядывая кольца и колье, браслеты и брошки, ожерелья из кораллов, жемчуга и замечательной сине-зеленой бирюзы. Драгоценностей было бесчисленное множество, и мой неподготовленный ум не мог переварить сразу столько информации. Я от природы не была падка на побрякушки. Но здесь, среди всякой блестящей дребедени, попадались настоящие произведения искусства. А вот искусство я любила.

Мне здорово приглянулось одно колечко. Оно было на удивление недорогим, но мне очень понравилась его необычная форма – крупный золотой цветок с огромной каплей бирюзы посередине. Очень эффектно.

Когда я случайно взглянула на часы, оказалось, что я брожу по рынку уже третий час. Туризм туризмом, но ведь я на юге. А юг – это море. И глупо в такую жару шляться по базару, даже если он восточно-сказочный. Минутку поразмышляв на чисто женскую тему – купить сейчас что-нибудь заманчиво-золотое или отложить на потом, я подумала, что не стоит откладывать хорошее дело. Тем более, что некоторые маркетинговые исследования данного рынка я уже произвела. А вдруг ассортимент изменится или обстоятельства? Доводы были трезвыми, и я решила. Кольцо в виде золотого цветка с бирюзой совершенно замечательно смотрелось на моей руке, и я с чувством выполненного долга и в прекрасном настроении отправилась на поиски моря, пляжа и новых приключений.

Найти пляж в непляжном городе оказалось непростой задачей. Если на рынке каждый второй говорил со мной на моем родном языке, – что тоже было приятной неожиданностью, то чем дальше я забиралась в глубь этого огромного города, тем меньше полиглотов попадалось на моем пути. Поняв, что скоро я забреду в такие дебри, где мне не у кого будет спросить даже дорогу назад, я взяла такси. И все снова наладилось. Таксисты во всех странах – народ разговорчивый. И очень скоро я знала не только курс доллара по отношению к рублю, марке, йене и, конечно, к турецким лирам, но и так же, где здесь находится неплохой пляж и как зовут президента этой страны. Турок привез меня к берегу моря и я, щедро отблагодарив его, ступила на морской песок. Пляж был небольшим, но вполне комфортабельным. Пляжные лежаки, зонтики, снующие туда-сюда продавцы всякой всячины – все как везде. И море. Огромное, синее и прекрасное. А над ним солнце. Красота! Нега и покой.

Я не торопясь разделась и улеглась на ближайший лежак, расстелив на нем пляжное полотенце, которое болталось в моей сумке с самого утра. Повертевшись минут пятнадцать под нещадно палящим солнцем, я поняла, что опрометчиво было с моей стороны думать о после-

полуденном пляже как о манне небесной. Зной и духота усиливались, а тело понемногу поджаривалось, как поросенок на вертеле. Я сползла с лежака и короткими перебежками по раскаленному песку добралась до спасительного моря. Поплескавшись вволю и охладившись до нормальной температуры, я вылезла на берег. Но вскоре жара снова стала доставать меня. Я поняла, что бой с летом я проигрываю. Ну и пусть. Зато меня радовал сам факт, что я и лето, наконец, встретились, и я могу вот так запросто валяться на пляже и уйти с него, когда вздувается. Эта мысль была приятной сама по себе. Альтернативой пляжу было сидение в пыльном офисе. Офис летом – это то еще удовольствие! То под кондиционером простудишься, то от духоты голова болит.

Перевернувшись на бок, чтобы он поджаривался так же равномерно, как и все остальное, я заметила книжку на соседнем лежаке. Ура! Книжка на пляже – это спасение от скуки. Как газета в поезде или журнал в самолете. Книжка была немного странная, вся разодранная и старая. Но это ничего страшного! Читиво – оно и в Африке читиво. Я потянулась за книжкой, одновременно окинув взглядом пляж, – нет ли хозяина у этого предмета. Хозяин не обнаружился. Ну и замечательно! Взглянув на название, я невольно улыбнулась. Достоевский. «Идиот». Отлично. Русская классика в таком месте – вещь непредсказуемая. Чудны твои дела, Господи! И я погрузилась в чтение.

Если мой уважаемый читатель вдруг забыл, то мне несложно напомнить – об этой книжке я уже упоминала в самом начале моего повествования. Но не грех вспомнить об этом еще раз, поскольку именно с этой драненькой книженции все и началось.

Книжка была коротенькой. Вернее, изначально, видимо, она была нормальной. Но кто-то над ней серьезно потрудились, выдрав из нее все страницы с описанием замечательных лирико-философских отступлений. Классик Достоевский именно ими и прославился. Поэтому книжка закончилась очень быстро, но это было весьма кстати – жара вступила в соревнование с адскими сковородками и дальше оставаться здесь было просто опасно для жизни. Громкий голос муэдзина окончательно вывел меня из состояния пляжной дремоты.

Над пляжем поплыл аромат кофе. Я подняла голову и огляделась. Оказывается, рядом с пляжем стояло маленькое уютное кафе. И как это я его сразу не заметила? Интересно, я сегодня завтракала или нет? Я совсем выбилась из графика повседневности. Обычно кофе следовал у меня сразу за утренним душем. Но на отдыхе все не так. На отдыхе стремишься сэкономить каждую минуту жизни. Вот она есть, и вот ее уже нет. А так жалко. И поэтому утренний кофе как-то плавно перемещается на более позднее время. Зато сколько я всего сегодня увидела! О-го-го! Одевшись и сунув мокрое полотенце и книжку в мою пляжную сумку, я направилась в сторону кафе.

Кофе в пляжном ресторанчике оказался неожиданно вкусным, и я с наслаждением обнюхивала уже вторую чашку, когда около моего стола остановился торговец всякой ерундой. В Турции этих аналогов наших коробейников пруд пруди. «Мадам, мадам», – назойливо зудел коробейник, подступая ко мне сразу с четырех сторон – как это они умеют так ловко!

– Ну ладно, фиг с тобой, – сдалась я, – что там у тебя, выкладывай. Я по опыту знала, что проще отдать ему доллар, пока он не расплавил мне мозг своими причитаниями. Все торговцы в мире одинаковы – что ж, это их работа, их можно понять. Я склонилась над коробом с сувенирами, но вдруг что-то, какое-то постороннее движение насторожило меня. Я резко вскинула голову, и как раз вовремя. Моя пляжная сумка тихо уплывала с соседнего стула, куда я ее беспечно кинула, расслабленная запахом кофе. Юркий кучерявый турок, прикрываясь торговцем-коробейником, тянул мою сумку к себе, глядя поверх моей головы глазами младенца с полотен Боттичелли.

– Эй, ты, оставь сумку в покое, – заорала я, вскакивая и переворачивая стол.

Стол я перевернула нечаянно, а вот вопль был запланированный и хорошо отретпетированный – кто из русских не любит на халяву поорать.

Спотыкаясь через перевернутую мебель, торговец сувенирами и воришка кинулись в разные стороны, роняя на ходу и товар, и мою сумку.

На шум выскочил хозяин ресторанчика и, потрясая кулаками, что-то быстро заверещал на своем птичьем языке вдогонку улепетывающим со всех ног горе-воришкам (а торговец-то, оказывается, для отвода моих глаз вокруг меня крутился – иначе, с чего бы это ему удирать, а?)

Когда суматоха улеглась, хозяин торжественно вынес мне третью чашку кофе – приз от заведения. Все же я пострадала на его территории, а турки народ признательный, я в полицию не жаловалась, скандал замяла, так что кофе был заслуженный.

Но хозяйская щедрость пошла еще дальше. Справившись у меня, как «мадам» относится к кухне его заведения, и поняв, что пока никак – мадам еще не обедавши, турок пулей понесся на вышеупомянутую кухню и лично принес мне крошечную пиалку с жиденьким бульоном и 50 граммов салата на огромной фарфоровой тарелке.

Пока я все это поедала, он сидел рядом, заглядывая мне в глаза и цокал языком.

Неужели я выгляжу как человек, который вчера покинул концлагерь и которому пища в нормальных человеческих объемах категорически противопоказана еще месяца два-три?

Перебив голод этой больничной порцией еды, и искренне поблагодарив турка за мою не испорченную фигуру, я отправилась к себе в отель, чтобы, наконец, отдохнуть от треволнений этого долгого жаркого дня.

Лежа в номере под кондиционером, я почти уснула, но легкий скрип балконной двери вернул меня в жаркую турецкую действительность. Да что за напасть такая! Дадут мне сегодня выспаться или нет.

И вдруг я увидела то, что мигом прогнало сон из моей головы. Из-за занавески появилась курчавая черная голова, воровато огляделась, а затем голова просунула из-за занавески такую же курчавую руку и стала шарить в моей пляжной сумке, которую я бросила на кресло у окна, даже не потрудившись вынуть из нее мокрое полотенце – от жары оно и так высохло. Эта рука шарил в моей сумке около минуты, натываясь на разные предметы, коих там было великое множество. Шутка ли, – пляжная сумка у меня размером со средний чемодан.

И наконец нашарив что-то, рука потащила это «что-то» к себе. К моему великому изумлению это был Достоевский. Господи, да зачем же ему старая разодранная книженция, он же по-русски и читать-то не умеет!

Я поняла, что еще мгновение, и мой Достоевский исчезнет за занавеской. Издав боевой клич самураев, я одним прыжком оказалась у балконной двери и вцепилась в руку похитителя. То ли от неожиданности, то ли от боли он выронил книжку, взвыл там, за занавеской, от бессилия и исчез.

Я уселась в кресло и стала размышлять. Что-то в облике этого грабителя показалось мне знакомым. За сегодняшний день меня хотят ограбить уже второй раз. А это перебор. Стоп. Вот именно, второй раз.

Так это же тот самый ворюга, из кафе! И там он мою сумку хотел утянуть. Но зачем он в ней шарил – цапнул бы, и готово. Что-то здесь не вязалось.

Подумав еще с минуту, я сообразила, что похититель охотился вовсе не за моей сумкой, а за книжкой, иначе зачем ему так рисковать, пробираться ко мне на балкон, копаться в сумке.

А ведь в Турции с воровством строго. Где-то в турецкой глубинке небось до сих пор за это руку отрубают.

Ошарашенная своим неожиданным открытием, я задумалась всерьез.

Во-первых, что это за турецкий поклонник русской классики?

А во-вторых, откуда он узнал, где мой балкон?

Второе соображение сразу сделало меня еще серьезней.

Кто мог сказать малограмотному турецкому воришке, кто я и где я живу?

А главное, почему именно драный Достоевский, а не, к примеру, обычный кошелек?

Эти вопросы требовали ответов. И чем больше я над ними думала, тем меньше мне нравились предполагаемые ответы. В воздухе запахло русской мафией и неприятностями.

Я решила рассуждать логически, я вообще обожаю это занятие. Я взяла в руки книжку и стала ее разглядывать. «Что же в тебе такого особенного, что тебя так упорно хотят спереть?» – спросила я у книжки, перелистывая пожелтевшие странички. Книжка как книжка, старенькая, ничего особенного. Но внезапно мне на глаза вновь попались пометки на полях, кое-где совсем бледные, но вполне различимые. Я подошла к окну – там было светлее и лучше видно. То, что я вначале приняла за обыкновенные комментарии к книге, которые часто делают на полях страниц вдумчивые читатели, оказалось какими-то бессвязными буквами, то ли на латыни, то ли еще на каком-то неизвестном мне языке. А может, человек, читавший эту книгу, был не русским, и поэтому оставил комментарии на своем родном языке? Конечно, странно читать книгу на языке оригинала, а комментарии оставлять на каком-то другом языке, но если подумать, такое может случиться. Какой-нибудь студент-иностранец изучает русский язык, читает Достоевского, а комментирует прочитанное по-своему. Почему нет?

Я снова села в кресло. Никакой более подходящей версии мне в голову не приходило. Только зачем же этот студент выдирает половину страниц в этой книжке, а теперь так упорно хочет ее вернуть? Что, Достоевский в магазине кончился? Иди, купи нового.

Что-то опять не выходило у меня стройной и понятной версии. И я стала думать дальше.

Глава 3

Я проснулась часа через четыре в кресле около балкона, и в руке у меня был Достоевский. Настроение, как ни странно, было превосходным. А и правда, чего заранее расстраиваться, если нет пока никакой толковой информации. Я заперла балкон на задвижку, проверила окна и, бросив Достоевского на кровать, отправилась в душ.

После душа мое настроение улучшилось настолько, что думать о неприятностях стало лень. А на голодный желудок тем более.

Мой бедный желудок жалобно вспомнил о микроскопическом обеде и заглянул мне в глаза. Мне стало стыдно.

Часы показывали половину седьмого – самое время для позднего ланча. Наскоро одевшись и даже не вспоминая о косметике, я спустилась в ресторан.

В Турции специфическая кухня, но мне нравится. Только запах иногда не очень. Особенно у жареной рыбы. Я вам об этом уже сообщала. Поэтому я взяла огромную порцию японских суши и стакан апельсинового сока – я обожаю суши и апельсиновый сок.

Объевшись и снова обретя способность соображать, я откинулась на спинку диванчика и собралась немного поразмышлять о случившемся со мной происшествии.

Но, видимо, день сегодня действительно не задался.

– У вас свободно? – раздался сверху мужской голос.

Я окинула взглядом полупустой ресторан и вопросительно глянула на источник голоса.

– А что, остальные столики заняты инопланетянами-невидимками? – съехидничала я.

– Я, наверное, просто не умею знакомиться? – Голос теперь звучал почти виновато.

– Но, по крайней мере, вы честны. Присаживайтесь, – с королевским высокомерием сказала я.

Он сел напротив меня и представился:

– Вадим Петрович, олигарх.

Я покатила со смеху.

– Да что вы говорите? Олигарх? Да в Турции летом все мужики – олигархи.

Я хохотала как сумасшедшая, а он сидел и молча смотрел на меня. Наконец, я успокоилась, и он неторопливо уточнил:

– У меня фамилия Олигарх. А вы подумали, профессия?

Если бы от щек можно было прикуривать, то это был бы тот самый случай, а язык мой как-то сразу усох и приклеился к горлу.

– Извините меня, я сразу не поняла, – просипела я, а он как ни в чем не бывало изучал меню. Закончив изучать первую страницу, он посмотрел на меня в упор.

– Да не берите в голову. Вы не первая. Вернее, еще не было человека, который бы сразу понял, что это такая фамилия. Странная, конечно. Я даже в архивах смотрел, но пока ничего путного не нашел. Я в том смысле – откуда именно у меня такая фамилия. Что-то греческое.

– Да, на древнего грека вы мало похожи, – смущенно улыбнулась я.

Постепенно разговор наладился. Вадим Петрович неожиданно оказался очень интересным собеседником. Он честно рассказал мне, что приехал не только на отдых, а еще и по делам. А еще, что он страшно стеснительный и не умеет знакомиться. Но я ему показалась симпатичной, а ужинать в одиночку ему не хотелось. Вот он и решил пригласить меня составить ему компанию. Аргументы были вполне разумными.

С виду мужик был приличный – это раз.

Но, с другой стороны, я терпеть не могла случайных знакомств, да еще при таких сомнительных курортных обстоятельствах. Это два.

Мне нужно было все это как-то обдумать, классифицировать и разложить по полочкам. Да и переварить такое количество информации за коротеньким ланчем я не могла. И поэтому, трезво рассудив, что мне нужен тайм-аут, я выторговала себе полчаса на переодевание к ужину.

Прискакав к себе в номер со скоростью молодого кенгуру, я, не зажигая света, плюхнулась в кресло. Что ж за день сегодня такой! Мысли металась в моей голове как этот самый молодой кенгуру. Мужик был обаятельный и какой-то домашний, что ли. Он был похож на Пьера Безухова из романа «Война и мир». А такие мужчины почему-то сразу вызывают доверие у женщин.

Я соображала еще минут десять, но потом решила – пусть у меня будет маленький романтический отдых. Я его честно заслужила. Ужин ужином, а ситуацию из своих рук я все равно не выпущу, и если что-то пойдет не так, я всегда могу гордо встать и уйти. В конце концов, я на ужин не напрашивалась, он сам пришел.

И с этой легкой мыслью я включила свет. Достоевский валялся на кровати и в моей голове вдруг вспыхнул как фонарь весь мой сегодняшней день. Стоп, а вдруг мужик – тоже отвлекающий маневр. Я на ужин, а они, значит, тут все перевернут и утащат все же у меня хоть что-нибудь.

Простая мысль о том, что меня уже не было в номере почти час, мою голову не посетила. Хотя, час – это мало для спокойного ограбления. Да и народ в это время по коридору шляется.

Ночь – другое дело. Все разбредутся не только из коридоров, а и из отеля – ищи-свищи. Воруй – не хочу, хоть до рассвета. Курорт, блин!

Что же делать. И отказываться глупо, – какие у меня аргументы в пользу того, что Вадим Петрович – нехороший дяденька. С виду – обычный курортный ловелас. Ну симпатичный, конечно. Но и идти с беспокойным сердцем, зная, что могут залезть, тоже не хотелось. Надо что-то делать с Достоевским. Спрятать, что ли. Они придут, не найдут книжку и отцепятся. Или, может, с собой ее взять. Ага, неплохая картинка – я в вечернем платье, с вечерней сумочкой, а из крошечной сумочки торчит здоровенная растрепанная книженция из серии «Дым Отечества везде со мной». Господи, какая же я...

Стоп. Нормальная я. Это же пятизвездочный отель! И значит, здесь есть ячейки для хранения драгоценностей.

Теперь у меня был план. Быстренько накрасив все, что положено и переодевшись по случаю ужина, я засунула Достоевского под мышку и выплыла из номера, как Золушка на первый бал.

Когда я излагала служащему отеля свою просьбу разместить Достоевского в бронированной банковской ячейке, его глаза пережили несколько стадий. Сначала это были глаза лемура – это самые большие глаза, которые я знаю, потом это стали глаза санитара из психбольницы. В них читалась простая мысль – эти русские – все идиоты, им просто деньги некуда девать, вот они с жиру и бесятся.

Пристроив Достоевского рядом с чьими-то фамильными бриллиантами, я успокоилась.

Вы спросите, а чего это я так носилась с этой драной книжкой? Знаете, честно могу сказать – понятия не имею. Но вот было у меня стойкое ощущение, что здесь что-то не так. Предчувствие, что ли. А еще моя секретарская привычка все систематизировать и доводить до конца. Видимо, здесь сработала профессиональная аккуратность, а может, просто шестое чувство. Ведь что-то мне все-таки нашептывало – почему? Почему кто-то охотится за таким ничемным предметом?

А еще я в детстве обожала романы про индейцев и всякие прочие приключения. Может быть, из-за этого.

В общем, дело было сделано, голова освободилась для приятных мыслей, и можно было спокойно отправляться на ужин. Что я незамедлительно и сделала.

Глава 4

Вадим Петрович ждал меня в холле с огромным букетом цветов.

– Это вам, – сказал он, смущаясь. Нет, он положительно все меньше и меньше походил на обычного курортного ловеласа.

– А что вы думаете о небольшой прогулке? – спросил он.

– Смотря, куда и зачем. – Холодок подозрительности снова подул мне в лицо.

– Я думаю, немного романтики вам не помешает. Мне кажется, вас кто-то сильно напугал, и вы теперь все время настороже.

Я не ожидала от него такой обезоруживающей пронизательности и не нашлась, что ответить.

– Вы не бойтесь. Я все понимаю про курортные романы и прочую книжную ерунду. Это все не про меня. Я серьезный бизнесмен, и мне обычно некогда всем этим заниматься. Бывают, конечно, разные обстоятельства, – на этой фразе он как-то немного помрачнел. Но, помолчав пару секунд, продолжил: – Но только не сегодня. Сегодня я действительно хочу позволить себе немного отдохнуть. И, если вы не против, – с вами. – Он посмотрел на меня почти жалостливо. Точно – Пьер Безухов.

– А я не против. Командуйте.

Дух авантюризма – мой любимый дух.

Вскоре я поняла, что именно так попадают в сказки. У подъезда отеля нас ждал белый лимузин, а у одного из причалов Босфора – белая яхта размером с два железнодорожных вагона.

Я поднималась на борт этой яхты под звуки вальса Штрауса. Официанты в количестве двух человек были тоже в белом, поэтому в сгустившихся сумерках были похожи на два вышколенных привидения – так плавно и бесшумно они передвигались.

На палубе стоял накрытый на две персоны стол. А музыканты, исполнявшие божественного Штрауса, расположились на возвышении, сбоку от нас.

Я поняла, что сильно заблуждалась насчет Вадима Петровича, и удержать ситуацию в своих руках при этих обстоятельствах мне будет крайне затруднительно.

Но было уже поздно что-то менять, да и на мою честь и достоинство никто не покушался.

Наоборот. Вадим был просто «Мистер Предупредительность», официанты – обходительны и немногословны, музыканты наполняли воздух звуками столь деликатно и искусно, что вскоре я позабыла о своих страхах и предалась безудержному веселью.

Мы выпили немного шампанского и съели много чего-то очень вкусного. А это, как известно, способствует общению и сближению.

Через час я уже панибратски похлопывала Вадика(!) по плечу, рассказывала ему неприличные анекдоты и мы вместе хохотали. Мне казалось, что мы знакомы тысячу лет.

Вадим рассказывал мне о своем бизнесе. Он занимался какими-то нанотехнологиями и еще чем-то учено-заморочным, о чем не следовало рассказывать девушке на первом свидании.

Но, видимо, он обожал свою работу. Он постоянно перескакивал на эту тему с очередного анекдота или после следующего бокала шампанского, закономерности я так и не уловила. Но все было чудесно, и даже нанотехнологии не могли помешать этой романтической ночи.

Я в ответном слове поведала Вадиму свою незатейливую жизнь: о моем секретарском прошлом, о бывшем шефе, заслывшем меня на отдых в Турцию и еще о куче всякой ерунды, которая приходит на ум после пары бокалов шампанского. А Вадим молча слушал и не перебивал. Думаю, из вежливости. Ему наверняка было также непроходимо скучно слушать о моих секретарских буднях, как и мне о его нанотехнологиях.

Но это была такая ночь. Такая вежливая и романтическая ночь, когда терпение и терпимость ко всему человечеству обволакивает головы и сердца. И шампанское здесь ни при чем. И Штраус тоже.

Под утро мы уже были лучшими друзьями и клялись друг другу в вечной – нет, не любви, – дружбе!

Глава 5

Я проснулась у себя в номере, когда стрелка часов уже перевалила за полдень. Голова гудела, как африканский барабан. А во рту...

Да что тут рассказывать, вы и так все сами знаете.

Я доползла до ванны, прихватив с собой бутылку минералки из холодильника.

Лежа в прохладной воде, я потихоньку оживала, заливая в себя минералку без всяких ограничений. Только так можно было оросить ту пустыню Сахару, которая образовалась внутри меня после вчерашнего.

Мне рассказывали, что шампанское – очень подлая вещь. Но я как-то в это не особо верила. Не было возможности проверить. Теперь я это точно знаю – больше одной бутылки – ни-ни! А то такие космические ощущения. Не в смысле романтики полета, а в смысле тошноты и прочих прелестей невесомости.

Ожив окончательно, я стала восстанавливать в памяти события прошедшей ночи. Получалось плохо. Плюнув на это занятие, я вылезла из ванны и решила, что плотный обед еще может вернуть меня к жизни. Сказано – сделано.

Покачиваясь от слабости, я сползла по лестнице в ресторан – не хотелось в лифте дышать перегаром на турецкоподданных и других культурно отдыхающих граждан. Хотя, думаю, половина из них накануне освежилась не хуже меня. Но природная интеллигентность потащила меня на лестницу. И почему я не заказала обед в номер?

Плюхнувшись на ресторанный диванчик, я жестом подозвала официанта и ткнула пальцем в меню в нескольких местах. Рот мой при этом был плотно закрыт. Официант послушно кивнул – мой рот его, видимо, совсем не интересовал – он тут и не таких нюхал.

Через десять минут я уплетала большой кусок сочного мяса с жареной картошкой.

Наплевать мне на фигуру, но лучшего лекарства от перепоя, чем жирное жареное мясо и оч-ч-чень вредная и оч-ч-чень вкусная жареная картошка я не знаю!

В голове прояснилось почти мгновенно, и вся прошедшая ночь всплыла в памяти как по мановению волшебной палочки. Все было весело и пристойно, кроме, конечно, шампанского. Но оно не в счет – в обычной жизни я вообще практически не пью – некогда, да и не люблю.

Судя по всему, Вадим тоже. Ему, наверное, тоже некогда. Ну да, с его-то нанотехнологиями.

«Кстати, словечко какое забавное... И правда, Вадим же мне всю ночь пытался рассказать что-то очень интересное о своей работе. Только я ничего не поняла». Мысли все еще слегка путались в моей голове и поэтому фразировка и четкость мышления страдали. Но это ведь ненадолго? Верно? «А все-таки «нанотехнологии» – такое смешное словечко! Понапридумывают всякого. И-ик». Я помотала головой, как пони в зоопарке, надеясь, что так алкоголь быстрее выветрится из моих мозгов. Но это мало помогло.

«Ну и ладно. Не обязательно простой секретарше разбираться в нанотехнологиях.

И вообще, я – женщина. А женщине не положено быть очень умной – мужчины этого не любят».

Шампанское еще не совсем выветрилось из моей головы и я решила, что после такого сытного обеда нужно еще немного поспать.

Около моего номера одиноким тополем торчал Вадим с традиционно огромным букетом. Он печально пережевывал жевательную резинку, переминаясь с ноги на ногу. Насчет жевательной резинки – это он хорошо придумал. После перепоя – первое средство, лучше ментоловая.

Я подошла сзади и закрыла ему глаза ладонками. От неожиданности, он чуть не выронил букет и на одной ноге развернулся на 180 градусов.

– Добрый день, это я. – Я, как ни в чем не бывало, улыбалась, глядя ему в глаза.

– Добрый день. – Он тоже был мне рад. – Как вы себя чувствуете?

Мы снова перешли на вы, но меня это не смутило.

– Уже намного лучше – горячий обед творит чудеса.

– Значит, я опоздал. – В его голосе не было досады, а только неподдельная грусть. Мне стало его жалко.

– Опоздали. Но если вы хотите пригласить меня на обед, я соглашусь, просто чтобы составить вам компанию.

– Правда? – И радость его тоже была неподдельной. Положительно, этот человек меня все время радовал – никаких намеков на низменные желания вчера и только платонические чувства сегодня.

Приятно, черт побери, уехать на край света, чтобы там случайно встретить такой удивительный экземпляр, поколебавший мое стойкое убеждение, что все мужчины – негодяи и хотят всегда и везде только одного.

Мы спустились в ресторан, сели за тот же самый столик, за которым я только что так славно пообедала, и официант снова не выразил никаких эмоций по поводу того, что мадам собралась обедать во второй раз за прошедшие полчаса. А может, он это подумал?

За обедом мы болтали о всякой всячине – о ценах на бензин, о том, что прежний американский президент был законченным болваном, а нынешний – пока душка, а там видно будет, о турецкой жаре и падении нравов. Последняя тема была старше эпохи динозавров, и мы сошлись на том, что с тех же самых времен в мире ничего не поменялось – нравы продолжают падать.

Так прошло два часа. Вадим тоже понемногу пришел в себя после вчерашнего шампанского и теперь с удовольствием вспоминал нашу романтическую волшебную ночь. Я поддакивала, потому что это действительно была волшебная ночь.

– А не такой уж ты и «неолигарх», – мягко съехидничала я. После обеда мы снова решили перейти на ты.

– Я – бизнесмен. Это фамилия у меня такая, – сказал он голосом диктора, читающего программу передач на завтра. И мы оба расхохотались.

Обед закончился часов в пять. И поскольку договариваться об ужине прямо сейчас было глупо, то мы решили, что послеобеденная сиеста нам обоим сейчас не повредит. С этим и разошлись.

Я проснулась от негромкого стука в дверь. Стучала горничная, принеся записку от Вадима. И, конечно, большой букет цветов. В записке было сказано следующее: «Как вы насчет похода в гости к моим друзьям? Веселье на всю ночь гарантирую».

Горничная продолжала стоять рядом и чего-то ждать. Наверное, ответа на записку. А может, чаевых. Выяснилось, что и то, и другое.

Я написала на обороте записке коротенькое: «Да, через час», вручила горничной пять долларов и отправилась в ванную.

Из зеркала на меня смотрело чужое лицо. Видимо, шампанское на ночь – это страшно вредно в моем возрасте. А может, в любом.

Глава 6

Мы неслись по ночному городу в неизвестном мне направлении.

Ночью дневная жара стихала и превращалась в легкую приятную теплоту, слегка разбавленную подогретым вечерним сквознячком. Но и это освежало измученную за день кожу.

Мы ехали по живописной дороге, освещенной огнями особняков и оранжевыми галогеновыми фонарями. У этих фонарей необыкновенно мягкий причудливый свет, и мне он очень нравится. Такой свет делает ночь яркой и таинственной, как маскарадная маска.

Через полчаса огни города остались позади, и теперь машина неслась навстречу непроглядной черноте. Сделав еще несколько головокружительных виражей по ночной дороге, мы въехали в лес. Или, может быть, парк.

Я вертела головой с риском свернуть себе шею, но все равно ничего не могла разглядеть, кроме кустов и деревьев, мелькающих в свете фар со скоростью взбесившейся киноленты.

Наконец и этот лесопарк остался позади, и неожиданно перед нами из-за высоких кустов вынырнул ярко освещенный большой дом. Даже не дом, а целый дворец.

– Ну, вот мы и на месте, – сказал Вадим, и я вздохнула с облегчением – слава богу, цивилизация. Я не очень люблю походы с гитарами и ночевками у костра под открытым небом и немного побаивалась, что именно туда меня и везут.

Но все обошлось. Дом выглядел вполне респектабельно и не был похож на шалаш с удобствами во дворе.

Мы подъехали к парадному входу, где нас встречала целая куча народу. Все шумно обнимались с Вадимом, похлопывали его по плечу и бурно выражали свои эмоции. Из этого я сделала вывод, эта куча – мои соотечественники. А кто же еще может так вести себя при встрече?

Вадим представил меня хозяевам и гостям, но я, если честно, не смогла сразу запомнить, кто есть кто. Это меня не сильно расстроило, поскольку из опыта я знаю, что два-три бокала вина сделают всех нас закадычными друзьями, а там, глядишь, и имена приложатся.

Вся компания шумно повалила в дом, где стоял накрытый стол с изрядно переполовиненными закусками. Значит, празднуют давно и со вкусом. Что ж, меня это вполне устраивало – я люблю хорошо поесть, а еще я люблю хорошую компанию и новых интересных людей. А в том, что они интересные, я не сомневалась. У такого человека, как Вадим, видимо, все должно было быть по первому разряду, включая друзей.

С нашим приездом у праздника открылось второе дыхание. Со двора потянуло запахом свежезажаренного шашлыка, и вскоре дымящиеся ароматные шампурки с мясом горой лежали на огромном блюде посреди стола.

После прогулки на свежем ночном воздухе я почувствовала волчий аппетит и не стала сопротивляться природным инстинктам. Да и позавчерашнее шампанское требовало полной нейтрализации. Вадим сидел рядом со мной и скромно потягивал из бокала красное вино, заедая его крошечными кусочками сыра.

Не понимаю, как можно есть сыр, если на столе целая гора шашлыков?

Я с удовольствием поела сочное, хорошо прожаренное мясо, попутно успевая отвечать на вопросы моих соседей по столу. Никого не смущало, что я говорю с набитым ртом, и это мне нравилось – не люблю ханжей.

В нашей русской натуре есть одно замечательное качество – мы все любим делать чересчур: пить, есть, спать, ездить на большой скорости, любить. И очень здорово, когда никто никого не упрекает в отсутствии хороших манер. Мы же, в конце концов, не английские лорды, у которых чувство меры в крови на генетическом уровне. Англичане это чувство воспитывают в себе уже веков семь-восемь. По общепринятым слухам, они все делают последовательно и неукоснительно. Как, например, знаменитые английские сады. В английских садах все по стру-

ночке, по линеечке, а если англичанина спросить, как это получилось, то ответ будет почти банален – сажают растение, а потом регулярно подстригают его в течение семисот лет. Вот вам и английский парк! Скучновато, но зато есть результат.

У нас все по-другому. Чувство меры чуждо нам в принципе. Это совершенно ненужный русскому человеку атавизм, который только по странной случайности не вымер в нашей нации у отдельных, очень редких индивидуумов. А зачем оно нам, если вон какие просторы, вон сколько всего! Можно выйти в поле и орать там хоть целый день до вечера дурным голосом. Спросите – зачем? А просто так. Надо же русскому человеку чем-то себя занять. Так, глядишь, и день прошел. Все же не бездельничал.

А еще есть у нас одна общая национальная черта. Каждый дома на кухне любит из кастрюльки суп похлевать. И это не от бескультурья. У такого супа даже вкус другой. И англичане тут совсем ни при чем. Но я, кажется, снова отвлеклась.

Слегка подкрепившись, я стала оглядываться по сторонам. Компания действительно была разношерстная и интересная. Здесь были: кинозвезда (мне ее так представили, хотя я о ней ничего не слышала, видимо, она пока была средней величины), один полуизвестный продюсер (куда ж без них!), два бизнесмена «с женами» – так они сами сказали, – коллеги Вадима по бизнесу, пара-тройка бездельников без определенных занятий, проматывающих чьи-то состояния, и еще пять или шесть человек, ни имен, ни профессии которых я не запомнила.

И у всех этих людей было одно общее свойство – они умели веселиться, беззаботно и радостно, как умеют только дети и богачи.

Моей соседкой по столу была кинозвезда – так мне ее еще раз представил Вадим, наклонившись к самому моему уху.

– Я ее немного спонсирую, – добавил он, и тут же получил от меня тако-о-ой взгляд!

– Нет, я не в том смысле. В ТОМ смысле ее спонсирует продюсер.

– А-а-а, ну тогда все нормально, а для чего же еще нужны продюсеры, – успокоилась я.

– Она обязательно сегодня споет, вот тогда все сама и увидишь.

Звезду звали Зося, а рядом с ней, как приклеенный, неотлучно находился продюсер по имени Леня. Они оживленно беседовали о чем-то музыкальном и от нечего делать я стала прислушиваться к их разговору. Заметив это, Зося развернулась ко мне и сказала неожиданно низким голосом:

– Ты не тушуйся, здесь все свои, безо всяких кандибоберов. Хочешь мартини?

Я слегка опешила от такой фамильярности, но уже через пять минут мы весело болтали с Зосей, закусывая мартини здоровенными ломтями черного хлеба, натертого чесноком – по Зосиному рецепту (это только на первый взгляд кажется диковатым, вы попробуйте – с мартини очень недурственно).

Зося оказалась девушкой неглупой и образованной. Родом она была с Урала, из какой-то жуткой глухомани, поэтому дорогу в шоу-бизнесе она пробивала всеми имеющимися у нее средствами – помимо пышной уральской груди и стройных ног, она часто использовала еще и интеллект. Причем, неизвестно, что было эффективнее.

Через полчаса Зося жаловалась мне, как родной матери:

– Ты понимаешь, Танька, что такое шоу-бизнес?

Я отрицательно мотнула головой.

– Правильно говоришь. Чтобы это понять, надо в нем жить, его надо любить, понимаешь, любить. А ты умеешь любить дерьмо?

Я снова мотнула головой.

– Вот видишь. А я без этого дерьма жить не могу. Я с трех лет на сцене. Еще в детском саду я играла девочку Машеньку на новогоднем утреннике. Я бредила всем этим, понимаешь. А без этого мне никак. Ты знаешь, какая это тяжеленная работа? Правильно, не знаешь. И

никто из вас не знает, никому ничего невозможно объяснить – не поймут. А это – целый мир! И лично мне наплевать, что там так тяжело. Я все это люблю, я только там и живу, понимаешь, от сцены до следующей сцены. А все остальное между этими сценами – это только подготовка к той, настоящей жизни. Вот ты кем работаешь? Секретаршей? Сойдет для девушки, но скучно. А вот мне никогда не бывает скучно. Вот в чем кайф. Понимаешь, на сцене ты проживаешь тысячу жизней, а без сцены только одну. Уловила? То-то и оно. Роли, понимаешь. Роли – это не маски. Маску можно снять, и все. Ее больше нет. А роль – это целая жизнь. А песни – это те же роли. Их надо играть. Хочешь, покажу? Смотри.

Зося стала шумно вылезать из-за стола, перевернула стоявшее рядом кресло вместе с сидевшим в нем Леней-продюсером, и даже не заметив этого, пошатываясь, пошла к роялю.

Она добралась до рояля и ухватила пальцами за клавиши. Минута ушла на то, чтобы поймать равновесие. Еще пара минут, чтобы сфокусировать взгляд на нужных клавишах. Но после этого произошло чудо. Зосины пальцы уверенно пробежались по клавиатуре, и я услышала голос. Это было как откровение. Голос взлетел откуда-то из глубин Зосиной души к самым ее вершинам, он окреп и стал звонким, как хрусталь бокала, когда он звенит от прикосновения другого бокала.

Я слушала ее как зачарованная. Я давно не слышала такого восхитительного голоса, такого глубокого проникновенного звука. Зося пела арию мистера Икса. Ария была мужской, и это могло бы считаться казусом. Но сейчас это было неважно. Зося пела про артиста, про себя саму, и еще про что-то такое, что я сразу поверила ей, я сразу все поняла – она действительно не может жить вне сцены.

Когда отзвучал последний аккорд, в комнате стояла тишина. В этой тишине звенели отголоски арии. Я оцепенела от впечатлений и потеряла дар речи. Первым опомнился продюсер Леня, и шквал аплодисментов наполнил комнату.

Я смотрела на Зосю совсем другими глазами. Странно, ведь ничего не изменилось – и комната та же, и люди, и сама Зося. Но все же что-то поменялось. Это была уже другая Зося. А ведь молодец девчонка! Как она умудрилась вырваться из уральской глубинки, кто и когда научил ее так хорошо играть на рояле. Ну голос, ладно, природа. Так бывает. Но все остальное? Непостижимо!

Оказывается, кроме Вадима и продюсера-Лени, о Зосиных талантах не слышал никто из присутствующих. И теперь все с уважением, а кое-кто даже с завистью, смотрели в ее сторону и перешептывались. А продюсер Леня просто светился от счастья. Теперь я поняла причину, по которой он не отходил от Зоси ни на секунду. Он был ЕЕ личным продюсером. Ну что ж, из такого голосища может выйти толк.

Зося подошла ко мне с неизменным бокалом мартини в руке.

– Теперь понимаешь? – она смотрела на меня в упор совершенно трезвыми глазами. – Музыка – это то, ради чего хочется жить. А все думают – деньги. Деньги – это только один из побочных эффектов. Без денег тоже нельзя, никто же меня бесплатно на паровозе на гастроли не повезет, и за костюмы платить надо, и песни покупать, и еще кучу всего. Деньги тоже нужны. А знаешь, чем твоя профессия отличается от моей? У тебя все по полочкам – и рабочее время от и до, и зарплата столько-то в месяц. Стабильность. А у меня – полная неизвестность, никто не знает, что там, впереди, получится у тебя пробиться или нет. Или будешь завтра сидеть на грязном снегу голодная и босая, потому что тебя выбросили, как старый башмак. Такая работа, издержки производства. К этому надо быть всегда готовым. Не ждать этого, понимаешь разницу, а просто быть готовым. А если хочешь настоящего успеха, то в него надо верить. Знаешь как это трудно, все время верить? Но все верят. И тот, кто верит больше всех, тот и будет звездой. А слабаки не дойдут.

– А как же удача? – робко спросила я.

– А удача нам всем пригодится, правда, народ? – И Зося окинула стол взглядом царицы Клеопатры, завоевавшей Рим. А она сейчас и была царицей.

И народ одобрительно загалдел.

Мы выпили за удачу, и потом еще много ели, пили, пели песни про «мороз-мороз» и «коробейников», играли в «отгадай слово» и еще какую-то неизвестную мне игру.

Часа через два этого безудержного веселья абсолютно сытая, немного пьяная и совершенно счастливая, я наконец заметила отсутствие Вадима и его коллег-бизнесменов. Пытаясь вспомнить сквозь хмельной туман, давно ли он отсутствует, я решила немедленно это выяснить путем опроса самого Вадима. Да и компания, затянувшая очередную народную песню, мне немного наскучила.

Я вышла из гостиной и осмотрелась. Впереди был широкий коридор, заканчивающийся большой лестницей на второй этаж.

В детстве я думала, что слово «коридор» произошло от слова «коррида», и так и писала «корридор» почти до пятого класса.

Я тогда не знала, что такое «коррида», а слово мне очень нравилось.

А потом мама купила мне книжку про Испанию. И тогда я поняла, что «коррида» – это красиво и страшно, и меня до сих пор тянет в Испанию, чтобы это увидеть. Но я, кажется, снова отвлеклась.

Почти трезво рассудив, что небольшая экскурсия по дому меня развлечет, я двинулась вперед. Лестница действительно привела меня на второй этаж в такой же широкий коридор с великим множеством дверей по обеим его сторонам.

Сначала я даже решила, что количество дверей увеличилось путем удвоения их с помощью алкоголя. Но, прищурившись, я определила на глаз, что все двери остались на своих местах, ни одна не исчезла. Значит, все в порядке, можно смело идти.

Я шла по коридору и, подходя к очередной двери, аккуратно дергала за ручку. Если дверь открывалась, то я просовывала туда голову и осматривала помещение.

Комнат было действительно очень много. Здесь были спальни, обставленные красивой дорогой мебелью, попала пара ванных комнат с роскошными интерьерами, была даже огромная детская – я определила это по несметному количеству игрушек, наваленному в этой комнате. Но детей на месте не было. Видимо, на период веселья родители отправили их погостить к бабушке в деревню. А может, дети просто выросли.

Я шла и шла по этому бесконечному коридору, пока не услышала голоса. Голоса были тихие и серьезные. А раздавались они из-за слегка приоткрытой двери в двух метрах от меня. Природное любопытство одержало верх, и я на цыпочках подкралась к этой двери и прислушалась. Я узнала голос Вадима, неторопливый и основательный.

– Ну что мне теперь, жениться на ней, что ли? Откуда я знаю, где она его прячет. Вы сами все испортили, вот и выкручивайтесь. Я и так согласился вам помочь по старой дружбе. Это ведь из-за вашего упущения книга попала в чужие руки.

– Да, да, ты прав. – Голос был суетливым и даже слегка виноватым. – Но никто же не мог предположить, что книгу украдут. Вместе с чемоданом. Вернее, украли чемодан. Обычная бытовая кража. Воришка вещи из чемодана просто прикарманил, его в этих вещах на пляже видели. Он их носит, понимаете? А книжку он просто так, из любопытства читал. Как любой отдыхающий на пляже. А потом просто бросил ее на лежаке и ушел. Идиот! Если бы он знал, сколько стоит эта драная книжка... Ну, Петрович, выручай. На тебя вся надежда!

Другой голос был тихим и спокойным. Но в этом спокойствии угадывалась неторопливая и неотвратимая угроза.

– Вадим, ты не понимаешь ситуации. Если мы в кратчайшие сроки не получим книгу назад, у нас у всех будут колоссальные неприятности. И в дело вступят уже совсем другие люди. А у них не наши методы. Ты же знаешь, никто с ней церемониться не будет, в лучшем случае

– убьют, а предварительно выпотрошат всю ее биографию до седьмого колена. Так что, пока еще есть время, все мирно, без всех этих гнусностей, надо решать. Формулы нужно добыть во что бы то ни стало. Учти – время «на отлично» уже пошло. Или их добудем мы, и тогда все будут живы и здоровы и сделка не сорвется. Или первыми до нее доберутся они. И тогда мы останемся с носом, а она, скорей всего, без него. Вот и думай.

Вадим молчал, видимо, последовав совету собеседника. Так прошло минуты две. Я стояла, затаив дыхание, и, казалось, что меня может выдать стук моего сердца – так бешено оно колотилось.

– Хорошо. Я еще раз все обдумаю и позвоню, – голос Вадима был глухим и печальным.

– Вот и славно, вот и договорились, – снова подал голос третий собеседник. – Ты, главное, не переживай, все будет хорошо. Ты все разнохаешь, все сделаешь, мы товар пристроим – и денежки пополам. Все будет чудесенько, ты даже не волнуйся. – Голос причитал протяжно-противно, как бабка-знахарка. Гипнотизер, что ли?

– Ладно, все, надо идти, а то нас хватятся. Мне только ненужных разговоров не доставало.

В кабинете (а это явно был кабинет) заскрипели кресла, а я дикой ланью метнулась к лестнице.

Коридор был длинным и бесконечным, а еще, предательски прямым – спрятаться было негде. Я неслась как спринтер на Олимпийских играх и по пути соображала – может заскочить в одну из дверей. Ну да, и объясняйся потом с хозяевами, что я делала в их апартаментах.

Наконец коридор перешел в лестницу, и, прыгая через четыре ступеньки, я на той же скорости влетела в туалет рядом с гостиной на первом этаже. На мое счастье он был пуст. Громко щелкнув задвижкой, я опустилась на крышку унитаза и только теперь перевела дух. Мое сердце уже было готово покинуть грудную клетку, а легкие разрывались от свистящего в них воздуха.

Так я просидела несколько минут, ничего не соображая и медленно приходя в себя.

Мимо двери туалета протопали три пары ног – это спустились сверху Вадим и его собеседники.

Что же делать? Соображать я сейчас не могу – чертов алкоголь, недаром я его терпеть не могу, мозги от него как ватные. И во рту гадость какая-то.

А, собственно, зачем мне сейчас соображать. Для «соображать» нужно время. А его у меня здесь нет. Не могу же я соображать в туалете до бесконечности. Могут заметить, что меня нет, а это подозрительно.

Значит, план такой. Сейчас выхожу как ни в чем не бывало, в крайнем случае, притворюсь пьяной. Поверят. Надо дожить до отеля, а там в номере у меня будет море времени, чтобы переварить все увиденное и услышанное, и вообще понять, что же со мной произошло. На том я и остановилась.

В гостиной веселье почти стихло. Откуда-то лилась тихая приятная музыка, и одинокая пара медленно танцевала посреди комнаты. Остальные полулежали на больших удобных диванах, откинувшись на их широкие спинки. Всюду на мебели стояли высокие стаканы с остатками коктейлей, и очередная рука дотягивалась до ближайшего стакана, чтобы поднести к его губам и снова бессильно повиснуть, рискуя выронить стакан на белый пушистый ковер.

Вадим сидел около барной стойки и, увидев меня, улыбнулся. Решив доиграть свою роль до конца, я улыбнулась в ответ. Если это получилось у меня слегка натянуто, то все можно было списать на алкоголь.

Часы показывали шестой час утра. В целом, вечер удался, за исключением некоторых информационных моментов, но эти моменты надо было ох, как провентилировать на свежую голову.

В принципе, можно было уже и откланяться.

Я сообщила об этом Вадиму, и он со мной согласился. Мы тепло попрощались с хозяевами и гостями, причем я так и не уяснила, кто есть кто. Но это было уже не важно.

Глава 7

Я проспала до следующего вечера и снова обрела способность разумно мыслить.

Заказав обед в номер, я разложила тарелки на огромной кровати (обожаю есть в постели) и стала обдумывать все, что со мной случилось.

Разговор, подслушанный мной у двери кабинета, не давал мне покоя. Фраза Вадима: «Что же мне теперь, жениться на ней, что ли?» сильно меня встревожила. На ком он должен или, наоборот, не должен жениться? И вообще, что я о нем знаю.

Я задумалась. А действительно, что я на самом деле знаю об этом человеке, кроме того, что он какой-то там бизнесмен? Ну, курортный роман. Ну и что? Да мало ли таких романов! В постель он ко мне не лезет, цветы дарит, и что это может значить?

А может, он просто джентльмен из тех, что уже практически вымерли на планете Земля. Как динозавры. Интересный, обходительный мужик.

Стоп, стоп, это что же получается, я его оправдываю сама для себя? И с чего бы это? Простой ответ вертелся у меня на языке, но я боялась произнести это вслух.

И чем больше я думала, тем очевидней становилась самая банальная банальность – он мне просто очень-очень нравится, этот незнакомый мужик, такой с виду надежный и неторопливый. Пьер Безухов.

Сделав это открытие, я почему-то расстроилась. И было от чего. В кои-то веки мне понравился хоть кто-то на этом свете, и на тебе – один паршивый подслушанный разговор все испортил.

И чем больше я об этом думала, тем очевидней становилось, что я, по-русски говоря, вляпалась – мне нравится мужик, который, может быть, меня просто использует.

И что же теперь делать? Может, бросить все и уехать? Это, конечно, эффектно, но глупо, – червячок сомнения все же шевелился где-то глубоко внутри меня – а вдруг я что-то напутала? Вдруг все совсем не так?

Но проклятый разговор всплывал и вертелся в памяти, как заводной волчок, и терзал мне душу жуткими подозрениями.

Женщины любят напридумывать себе всяких страстей и потом с удовольствием истязать себя ими.

Я снова и снова прокручивала в голове все увиденное и услышанное. Результат был неутешительный – я ничего не понимала в том, что со мной происходит.

Оставался единственный вариант – принять обозначенные обстоятельства правила игры и все узнать экспериментальным путем, то есть, продолжать вляпываться во все это дальше.

Экспериментировать на себе – это тоже мое любимое занятие. А что еще остается делать? Просто бросить все – это значит так никогда и не узнать, что происходит на самом деле. А где же вы видели женщину, которая добровольно откажется от приключений? Даже если эти приключения грозят оторвать ей голову.

Убедив себя, что сдаваться рано, я решила доиграть эту игру до конца. Игра была с неизвестными мне правилами и, скорее всего, очень опасная.

Но в ближайшие тридцать лет я была совершенно свободна и могла себе позволить распорядиться своей жизнью по своему усмотрению.

Во-первых, пришлось честно признаться себе, что разговор в кабинете, скорее всего, шел именно обо мне. На это указывали факты, которые, как известно, упрямее баранов: и про книжку, брошенную кем-то на пляже – это ж Достоевский! Кто ж еще! Все же сходится! Если рассуждать трезво, то из всех присутствующих только я нашла на пляже драную книженцию – ведь, вряд ли такое совпадение могло произойти еще с кем-то из нашей веселой шашлычной

компании. Остается еще один пункт – на ком же тогда, спрашивается, должен жениться Вадим, чтобы узнать что-то об этой несчастной книжке? Вывод напрашивался сам собой. Это на мне надо жениться, чтобы узнать, где я прячу эту проклятую книжку. И привез меня на эту виллу Вадим не просто так, а чтобы показать – вот она, рядышком, все под контролем.

Неизвестность снова и снова терзала меня, как злая собака, вцепившаяся в подол. А вдруг я все же ошибаюсь?

Господи, голова кругом идет от всего этого. Мысли перескакивали с одной на другую, как в калейдоскопе, и я никак не могла их остановить.

Трезво мыслить, когда тебе понравился мужик очень сложно – это аксиома, известная любой женщине.

Ну хорошо, рассуждаем дальше. Вопрос номер один – хочу ли я чтобы этот малоизвестный мне, но чертовски привлекательный мужик на мне женился? Даже из-за такого пустячного повода, как книжка? Ответ – хочу! А на повод мне, в общем, наплевать. Или почти наплевать. И потом, вдруг есть обстоятельства, о которых я даже не догадываюсь? И эти самые обстоятельства, а не какой-то там Достоевский, заставляют Вадима жениться на мне.

Нет, сам факт женитьбы меня, как выяснилось, устраивал. Но вот при каких таких, скажите мне, непонятных обстоятельствах?

И снова сомнения раздирали меня на тысячу маленьких беспомощных секретарш.

Может быть, я просто замораживаюсь на пустом месте? Но, с другой стороны, женщины часто замораживаются и фантазируют по пустякам – это для них нормально. Но такая мысль все же слабо меня утешила.

Интуиция подсказывала мне, что надо копать дальше. Как-то слишком все сложно получается.

Обычно в таких ситуациях все намного проще. Как говорил один известный человек – нет человека, нет проблемы.

Хотя, как посмотреть: концы в воду спрятать надо? Надо. Меня могут разыскивать? Могут. А впрочем, конкретно меня могут и не разыскивать. Некому.

Но, видимо, такие, известные любому современному телезрителю методы, этим людям не подходили. А вот мысль с замужеством, как методом действия в такой ситуации, мне понравилась. Свежо. Креативно.

Интересные они люди, эти «коллеги по бизнесу». С такими интересно и поиграть. Тем более, если верить их собственным словам – именно они меня убивать пока не собирались. И чем я рискую? Да ничем. Тогда вперед, к неизведанным странам и непознанным открытиям!

Разговор в кабинете я помнила до последнего слова. Там еще было про неведомых мне бандитов, и про то, что они могут до меня добраться, и чем это для меня может закончиться.

Бандиты – это, видимо, конкурирующая фирма. Те вряд ли согласились бы на мне жениться.

И еще говорили про какую-то сделку.

И про украденный чемодан.

Как настоящая женщина, я впала в другую крайность. Теперь я жалела Вадима. А еще, себя.

И я ничего-ничего не могла ему рассказать, потому что боялась. Боялась неизвестности. А вдруг, если он узнает, что я в курсе его дел, превратится совсем в другого человека? А вдруг он все-таки заодно с теми бандитами?

Тогда уж лучше пусть все будет, как будет, а я буду молчать – так не хотелось мне разрушать эту сказку, эту 1002 ночь Шахерезады.

Чем больше я обо всем этом думала, тем хуже мне становилось. Мне стало жаль себя в два раза больше.

Что ж за напасть такая! Эти несколько дней были самыми интересными и счастливыми в моей жизни. Неужели это все закончится, и мы просто разъедемся в разные стороны, каждый в свою жизнь? Неужели нельзя, чтобы все всегда было хорошо, и люди были просто счастливы своим маленьким тихим людским счастьем?

Слезы потекли из моих глаз и закапали в тарелку с салатом, а я сидела и молчала, глядя в одну точку, мне сейчас ничего не хотелось. Так прошло почти полчаса. Вдоволь нарежевшись и пожалев себя на неделю вперед, я немного успокоилась.

Слезы пошли мне на пользу, а это ведь и так известно – поревешь, и вроде легче. Такой простой и чисто русский способ решения всех проблем.

Я встала с постели, взяла себя в руки и пошла в ванную. Обычно, это помогало.

Горячие струи воды влили новую жизнь в мое тело и смыли все черные мысли.

Вернувшись из ванной, я решила, что надо все же подкрепиться – не пропадать же обед.

Когда все было съедено, и горничная унесла посуду, я решила все обдумать заново.

Вторая попытка была намного удачней первой.

А что, собственно, произошло? Ну нашла я на пляже книжку. Это раз. Ну сработало у меня шестое или, там, седьмое чувство, и прихватила я русского классика с собой. Это два.

С другой стороны, если бы не эти два обстоятельства, то не произошли бы со мной такие интересные события. Это три.

Следуя своей новой логике, я стала рассуждать дальше. Я вспомнила, что в разговоре упоминались какие-то формулы. Какая-то маленькая, упущенная мной деталь, крутилась у меня в голове, но никак не всплывала на поверхность. И вдруг меня осенило. Ну точно! Там же на полях книжки были какие-то пометки! Видимо, они и могли быть теми самыми формулами! Я еще тогда обратила внимание, что пометки странные – непонятные значки, похожие на стенографическую запись. Я тогда подумала – зачем кто-то стенографировал? Обычно пометки на полях делают нормальным человеческим языком. Но, мало ли у кого какие привычки, ничего особо необычного в этом не было. И вот теперь за этими формулами охотится куча народу, и значит, здесь, скорее всего, замешаны деньги. Точно! Как же я сразу не вспомнила. В кабинете же говорили про то, что эта книжечка стоит кучу денег! А то зачем бы все так подпрыгивали?

Так, с Достоевским более-менее понятно.

Теперь со мной. Здесь сложнее. Ну не похож Вадим на бандита, хоть тресни! Не вчера же я родилась на свет и кое-что понимаю в людях, тем более, моя профессия учит здорово разбираться в этих самых людях.

В общем и целом, картина была не такая уж и безрадостная. Я подвела итоги своих рассуждений, и вот что получилось.

Стечение обстоятельств (а именно, Достоевский) свело меня с хорошим человеком, с которым без этих обстоятельств я никогда бы не познакомилась. Судя по всему, теперь те же обстоятельства требуют, чтобы он на мне женился, а, как выяснилось, я тоже совсем не против этого. А ведь не будь Достоевского, кто знает, как сложился бы наш курортный роман?

Вон их сколько, этих романов, а статистика по ним очень неблагоприятная. Пока море и звезды – все хорошо. А как отпуск закончился – привет жене и детям. А, кстати, мне и в голову не приходило спросить Вадима, женат ли он? Эта мысль была мне неприятна, и я поняла, что подспудно все время гнала ее от себя. Я ведь действительно ничего про него не знала. Но где-то в глубине души я надеялась, что все хорошо, и он – одинокий волк, бегущий по бескрайнему полю бизнеса. И не было у него времени, чтобы остановиться и свить себе гнездо. В смысле, выкопать себе нору. Ну, вы и так все поняли.

После подведения итогов выяснилось, что я хочу замуж за Вадима и мне наплевать, что будет дальше. А с Достоевским мы разберемся. Дух авантюризма и вправду мой любимый дух!

Один мой хороший знакомый как-то сказал мне замечательную фразу: «Будем решать проблемы по мере их поступления». Очень мудро сказано. Но я, кажется, опять отвлеклась.

Глава 8

Прошла неделя. Я усердно делала вид, что мне ничего не известно. Вернее, я делала этот вид скорее для себя, поскольку Вадим и так ничего не знал. Он по-прежнему таскал мне огромные букеты цветов, мы купались в ночном море, любуясь лунным следом на волнах, и завтракали в шесть утра свежими креветками и всякой другой морской всячиной.

Ни о каком замужестве он и не заикался, и я уже начала сомневаться, правильно ли я выстроила свои безупречно логичные заключения. Может, речь вообще шла не обо мне, и тем более не о Достоевском. Мало ли на свете похожих ситуаций?

Приближался конец моего турецкого отдыха, и я приуныла. «Ну и пусть, – говорила я себе. – Что такого произошло? Очередное разочарование». Но это все же слабо помогало.

До моего отъезда осталось два дня. Я окончательно смирилась с неизбежностью и выбросила из головы все романтические мечты.

Назавтра мы с Вадимом запланировали последний прощальный вечер, и я стала паковать чемоданы.

Все было как всегда, очень трогательно – традиционная охапка цветов, ужин при свечах и никакого намека на интим. После двух бокалов вина настроение мое улучшилось. Мы болтали как старые добрые друзья, рассказывали друг другу забавные истории из своей и чужой жизни. В полночь я поднялась к себе в номер, Вадим галантно поцеловал мне руку и ушел.

Я проревела полночи, жалея себя, свою жизнь и всех чертей в аду.

Утром такси отвезло меня в аэропорт, и турецкая сказка закончилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.